

## РУССКОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

**Аннотация.** В статье рассмотрены авторские интерпретации малоизученного российской исторической наукой феномена экономической преступности, которая имела место в Советском Союзе в 1941–1945 гг. Показаны особенности ее влияния на жизненный уклад милитаризованного социума. Преодоление таких ограничений, как недостаточность источниковой базы, идеологическая ангажированность и цензурные запреты, позволило с позиций нарративного подхода, историко-системного и институционального анализа изложить взгляды современных ученых на объективные и субъективные причины, обстоятельства, характер и масштабы хищений. Представлена палитра мнений о роли, месте и эффективности органов сталинской юстиции, общественных объединений граждан в предупреждении, выявлении, расследовании, а также пресечении противоправных деяний. Отражены дискуссии о сущности и целесообразности нововведений в правовой и бытовой сферах, регулировавших производство и распределение на предприятиях различной отраслевой принадлежности. На основе сравнительных данных предпринята попытка оценить масштабы коррупции в государственном и партийном аппарате, силовых структурах, судебной системе. Сделан вывод о том, что накопленные знания сохраняют преимущественно эмпирическую направленность и пока не достигли теоретического уровня. Составлен перечень научных проблем, на которых необходимо сосредоточиться специалистам для того, чтобы обеспечить исчерпывающую фактологию, комплексный инструментальный и концептуальное понимание процессов, происходивших во время Великой Отечественной войны в социальной и уголовно-правовой сферах страны. В качестве первоочередных задач названо определение приоритетов, методов, содержания и итоговой результативности политики центральных и местных властей, нацеленной на борьбу с расхитителями, казнокрадами и взяточниками. Их решение позволит найти дополнительные доводы против фальсификаций и инсинуаций в вопросе о цене Великой Победы.

**Ключевые слова:** СССР, Великая Отечественная война, историография, экономическая преступность, хищения государственной собственности, должностные злоупотребления, институциональные аспекты противодействия хозяйственным правонарушениям.

### **Введение**

Великой Отечественной войне посвящено огромное количество научных публикаций. К середине 1980-х гг. только книг и брошюр, изданных на русском языке, насчитывалось свыше 20 тыс. С тех пор эта цифра выросла многократно. Интерес к данному историческому периоду в российском обществе по-прежнему высок, что объясняется огромным влиянием, которое он оказал на последующее развитие нашего государства. Многие публичные дискуссии политической направленности уходят своими корнями в военное время.

Отличительной чертой советской военно-исторической школы всегда являлось то, что в поле зрения оказывались преимущественно позитивные факты. Разработка сложных, противоречивых и неоднозначных проблем правящей Коммунистической партией не приветствовалась. К ним относятся и вопрос об экономической преступности, ее видах, масштабе, причинах и последствиях, способах противодействия. Из-за недостаточности источниковой базы и цензурных запретов советские исследователи ограничивались описанием отдельных фактов, которые истолковывались как болезненные отклонения в социальном поведении, встречающие неприятие со стороны общества и своевременно пресекаемые спецслужбами и общественностью.

Между тем философский аспект теневых экономических отношений заключается в том, что он опроверг все теоретические и правовые конструкции, возникшие в рамках коммунистической доктрины [63, с. 509]. Некоторые ученые объясняют существование теневой экономики наличием пороков, имманентно присущих любой системе мобилизационного типа. Другие видят в ней средство, способствовавшее, пусть в превращенной форме, восстановлению «равновесия», а значит, повышению витальности и вариативности развития социетальных отношений. Приводимые в настоящей статье оценки и суждения помогут сформировать по данному вопросу аргументированную точку зрения.

### **1. Советская историография**

В первые послевоенные годы отметились созданием специальных трудов по уголовно-правовому регулированию хозяйственной сферы. Некоторые из них не потеряли своего историко-познавательного значения и по сей день. Здесь можно назвать кандидатскую диссертацию

Н. П. Грабовской [13], где был приведен перечень хищений, подпадавших в условиях Великой Отечественной войны под закон от 7 августа 1932 г. об охране общественной собственности. Исследователем сделан вывод о том, что при общем усилении репрессий за указанные виды деликтов органы юстиции назначали наказание, учитывая личность правонарушителя. Если деятельность последнего ранее имела особую общественную полезность, то это отражалось на квалификации преступления. Диссертация содержит описания крупных краж в отделах рабочего снабжения (ОРСах), на железнодорожном и водном транспорте, в торговых точках; указан половозрастной и социальный состав осужденных. Весьма информативны ссылки на конкретные постановления Верховного Суда СССР и определения его судебной коллегии, разъяснявшие ряд вопросов, которые возникали при подготовке и проведении сложных и резонансных судебных разбирательств над ворами и казнокрадами [13, с. 59, 60, 79, 80, 136, 139].

В диссертационном исследовании П. С. Матышевского [41] был сделан акцент на усилении государственной функции охраны и укрепления социалистической собственности. Подчеркивалось, что посягательство на нее во время войны относилось к категории тяжких преступлений. В комментарии содержания Указа Верховного Совета СССР от 23 июня 1942 г. и постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 12 мая 1943 г. отмечается усиление ответственности за ряд экономических преступлений, подрывавших обороноспособность страны (воровство горючего в МТС и колхозах, не обеспечение сохранности поголовья лошадей) [41, с. 108, 109].

В книге председателя Верховного суда СССР И. Т. Голякова [12, с. 67–73, 101–107] была обобщена юридическая практика военных лет в таких сферах, как охрана государственной собственности, усиление уголовной и материальной ответственности за должностные и хозяйственные преступления.

Монография М. В. Кожевникова любопытна сюжетом, демонстрирующим роль военных трибуналов в рассмотрении гражданских исков (уголовным делам о хищениях госимущества и корыстных должностных преступлениях) [32, с. 352].

В годы «застоя» на изучение темы было наложено негласное табу. Первым отважился заговорить о многочисленных фактах «разбазаривания» земли и продовольствия в деревне Ю. В. Арутюнян. Он привлек материалы Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма (ныне Российский государственный архив социально-политической истории), архива Министерства сельского хозяйства и показал, что в 1941–1945 гг. часть общественных угодий незаконно передавалась в аренду различным организациям и отдельным лицам, поскольку сами колхозы из-за нехватки техники и рабочих рук не могли использовать их по назначению. Системный характер приобрела раздача продуктов по запискам районных руководителей, а выявленная при инвентаризации нехватка компенсировалась по исключительно низким государственным закупочным ценам без уголовного преследования виновных. Значительная доля сельхозпродукции расходовалась под видом общественного питания, причем контингент, обслуживаемый сельскими столовыми, искусственно завышался [5, с. 335, 336].

В. В. Куликов впервые соотнес статистику хищений и растрат, совершенных в условиях войны, с предвоенными годами и пришел к выводу, что в 1943 г. аналогичная цифра увеличилась против 1941 г. на 20,5 %, а в целом число приговоренных за указанные преступления возросло на 18,2 % [37, с. 42]. В фундаментальных же изданиях, посвященных экономическому положению СССР в военный период, только однажды вскользь упомянуто об имевшей место «спекулятивной перепродаже части нормированных товаров» [57, с. 399; 58, с. 208].

В этом смысле особняком стоит помеченная грифом «для служебного пользования МВД» брошюра В.И. Костина [36, с. 40–64, 72–75]. Из нее следует, что хищения государственного и кооперативного имущества, теневое производство товаров, мешочничество и спекуляция были в годы войны обычным делом. На железной дороге орудовали группы нелегальных торговцев, вступавших в связь с паровозными бригадами, контролерами и ревизорами. Они перевозили продукты в топках, зарывали в уголь, прятали в водяные баки. С ними боролись с помощью милицейских заслонов и комсомольских постов. Зачастую легальным прикрытием преступной деятельности цеховиков и перекупщиков служили базы, торги, промысловые и потребительские кооперативы, являвшиеся удобным местом для создания излишков. При этом применялись следующие преступные методы: составление фиктивных коммерческих актов на недостачу грузов в вагонах и баржах, списание под видом порчи, фальсификация весов и гирь и т. п. Много внимания автор уделил анализу злоупотреблений с карточками в типографиях и контрольно-учетных бюро, где они соответственно печатались и распределялись.

Заслуживает упоминания исторический очерк о становлении и развитии органов государственного контроля [44]. В нем исследуется контрольно-ревизионная работа в годы войны. Автор резюмирует, что работа была поставлена неудовлетворительно особенно в области торговли и сельского хозяйства, что провоцировало кражи. Только к январю 1945 г. профильный наркомат подготовил и разослал на места методические указания по преодолению недостатков и повышению качества проводимых проверок [44, с. 156–157].

Стоит упомянуть заочную полемику между Д. В. Павловым, занимавшим в военное лихолетье пост начальника Главного управления продовольственного снабжения Красной Армии, и Я. Айзенштамом, секретарем военного трибунала. Они по-разному оценивали роль Военторга в обеспечении военнослужащих предметами первой необходимости. Первый защищал тезис о том, что эта организация справилась с задачами, хотя осторожно упоминал упущения, объясняемые наличием в руководстве штатских людей и ведомственной принадлежностью Военторга к Накомату торговли [49, с. 173-174.]. Его оппонент давал отрицательную оценку и приводил в качестве доказательств отзывы солдат и офицеров, услышанные на фронте: «Чтобы в Военторге навести порядок, надо ежедневно одного военторговца расстреливать утром – за завтраком, второго – днем за обедом, третьего – вечером за ужином. Может это подействует». Такие отзывы фронтовиков влияли в военных прокуратурах и трибуналах на рассмотрение дел о хозяйственных злоупотреблениях. Однако очевидцы свидетельствуют, что хищения продолжались, а расстрелы не помогли [3, с. 50– 51].

«Перестройка» 1985–1991 гг. создала условия для более объективного осмысления уроков и итогов Великой Отечественной войны. В общественном сознании постепенно преодолевались догмы и стереотипы, формировались новые взгляды и суждения. В этом ключе написана книга Г. Е. Корнилова [35, с. 181]. В ней упомянуты случаи преступного образа жизни некоторых чиновников, которые тратили государственные средства на личное потребление, выписывали со складов продукты и промтовары по подложным документам, реализовывали их через магазины и рынки, а вырученные деньги присваивали. Провинившихся снимали с работы и предавали суду. Автор подчеркнул разрозненность приведенных фактов, из которых нельзя нарисовать полной картины.

Замалчиваемые ранее документы о событиях военных лет представили участники научно-практической конференции, состоявшейся в Перми. Так, в докладе В. Н. Тряхова приведены датированные 1942 г. сведения о росте преступности и резком увеличении числа побегов заключенных из колоний и лагерей, расположенных на территории Западного Урала. Среди беглецов были и те, кто получил срок за хищение социалистической собственности [64, с. 68]. Ю. П. Зубов доложил об обстоятельствах расследования в одном из райотделов НКВД громкого дела о разбазаривании государственных средств начальником Пятигорского лесозаготовительного управления. Чиновника посадили в тюрьму на длительный срок, установив ему взысканную сумму ущерба в 100 тыс. руб. Автор приводит статистику, отражающую усилия надзорных органов по борьбе с расхитителями зерна во время весеннего сева и продуктов питания, предназначенных для инвалидов [27, с. 73-74].

Итак, в советский период обществоведами был составлен определенный задел, который позволил сформировать первоначальное представление о махинациях с государственным имуществом, совершавшихся в 1941–1945 гг. Однако собранная информация характеризовалась эпизодичностью, неполнотой, односторонностью, и не могла служить основой для широких обобщений. Отдельные монографические работы, выполненные с элементами критического анализа, не выходили за рамки апологетики существующего строя. Это снижало их когнитивный потенциал.

## **2. Российская историография**

Новую историографию в контексте затронутой темы открывает монография М. С. Зинич, где представлен уникальный материал о противодействии орудуящим в ОРСах расхитителям и самоснабженцам со стороны профсоюзных организаций. Сообщается, что соответствующий инструктивный документ был принят Всесоюзным центральным советом профессиональных союзов (ВЦСПС) 4 мая 1942 г. Профкомы осуществляли рейды и контрольные мероприятия, по итогам которых выносились постановления и готовились обращения в прокуратуру. Так, с помощью активистов удалось вскрыть серьезные нарушения в снабжении трудящихся в Узбекистане, Горьковской, Кировской, Пензенской, Ярославской и других областях. Численность общественных дозорных, наблюдавших за порядком в заводских пунктах питания и магазинах, превышала 600 тыс. человек. Параллельно расширялись полномочия госторгинспекции: в феврале 1943 г. она получила право передавать сведения о вскрытых злоупотреблениях непосредственно в суд, а также проверять весоизмерительное хозяйство в системе Наркомторга [26, с. 42–48].

В последнее десятилетие XX в. популярной стала историческая публицистика. В этом жанре написано эссе Ф. Раззакова, в котором со слов следователя союзной прокуратуры С.М. Громова воспроизведена история о профессиональном авантюристе и дезертире Н. Павленко. В марте 1942 г. он создал преступную организацию, замаскированную под военно-строительную часть. Под ее «крышу» Павленко собрал ранее судимых людей, своих родственников и знакомых, всего более 300 «бойцов». Располагая поддельными гербовыми печатями, бланками и справками, обманывая и подкупая командиров тыловых подразделений, сообщники занялись массовыми хищениями и грабежами государственного и трофейного имущества на территориях, освобождаемых от врага. До разоблачения в 1952 г. Павленко, используя открытый счет в Госбанке, сумел присвоить свыше 30 млн. руб. [54, с. 56–59].

Снятие грифа секретности с недоступных прежде архивных фондов подтолкнуло научные изыскания, посвященные функционированию в годы войны компетентных органов. А. Е. Григуть в своем диссертационном исследовании рассмотрел методы взаимодействия Наркомата внутренних дел, его структур с прокуратурами, судами и Народным комиссариатом госбезопасности. Им выделены такие направления сотрудничества, как противодействие кражам на автомобильном, водном и железнодорожном транспорте, в госторговле и потребкооперации, а также в ОРСах. Результаты деятельности правоохранителей сведены в таблицы, демонстрирующие динамику привлеченных к ответственности в течение 1941 – 1945 гг. по Закону от 7 августа 1932 г. и соответствующим статьям Уголовного кодекса. Отдельно автор выделил категории осужденных по постановлению ГКО от 22 января 1943 г. «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров»<sup>1</sup>. Среди них: за хищения и разбазаривание товарных ресурсов, растрату, махинации с карточками, обмеривание и обвешивание покупателей, спекуляцию, кражу и порчу зерна, получение и дачу взятки [14, с. 154–162]. Приведенные цифры говорят о том, что обуздать экономическую преступность в воюющем СССР так и не удалось.

Неподдельный интерес вызывает диссертация А. И. Вольхина [10], благодаря которой в научный оборот были введены документы Центрального архива Федеральной службы безопасности (ФСБ), а также архивов ее региональных управлений. Они позволили по-новому взглянуть на феномен экономической преступности. Так, среди предпосылок, провоцировавших сокрытие сельхозпродукции от госпоставок, в этих документах упоминаются следующие негативные явления: мелочное администрирование партийными и советскими органами практически всех сторон деревенской жизни; остаточный принцип оплаты трудодня; нищенское существование колхозников. Формы сопротивления заготовкам были многообразными: составление фиктивных актов об отсутствии кондиционного зерна, которое смешивали с отходами и мякиной; его засыпка в семенной фонд; концентрация на глубинных пунктах, куда не могли своевременно добраться агенты заготконтор, и т. д. Почти повсеместно встречалась раздача хлеба на руки сверх установленных 15 % от сданного государству. За это сельских руководителей низового звена (немалая их часть относилась к категории классово-чуждых элементов: бывших белоказаков, царских офицеров, чиновников, духовенства, кулаков и спецпоселенцев) привлекали за саботаж по статье 58–14 УК РСФСР, а рядовых тружеников – за хищения по Закону от 7 августа 1932 г. Напротив, уличенным в воровстве представителям номенклатуры удавалось избегать уголовной ответственности [10, с. 207–209].

Обязанностью сотрудников экономических подразделений органов госбезопасности являлась борьба с бесхозяйственностью и очковтирательством на оборонных заводах. В начале войны многие директора, главные инженеры и даже парторги ЦК ВКП(б), назначенные на конкретные предприятия для наблюдения и контроля за выполнением директив ГКО, подверглись обвинениям в приписках и халатности [10, с. 224]. Некоторых из них арестовывали. Эта мера была продиктована стремлением через страх «отмобилизовать» усилия остальных и такими методами «вытащить из прорыва» предприятия и отрасли. Данную точку зрения в своей докторской диссертации поддержал историк А. Демидов [20]. Он заметил, что после репрессий в ряде случаев почти полностью прекращались прогулы, увеличивалась выработка. Кроме того, исследователь привел уникальные факты непосредственного участия органов госбезопасности в наведении порядка в товаропроводящей сети на примере разоблачения преступлений управляющего Кыштымского медьпродснаба и директора Кыштымского пищевого (Челябинская область) [19]. К весне 1943 г. дальнейшее ужесточение карательной

<sup>1</sup> СССР. Народный ком. торговли. О мероприятиях по усилению борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров: Приказ Народного комиссара торговли СССР № 50 от 29 января 1943 г. Нукус : [б. и.], 1943. 45 с.

политики для повышения производительности труда потеряло смысл. Чтобы не усугублять кадровую проблему власти предпочли закрыть глаза на многочисленные факты нарушений. Поэтому в апреле 1943 г. во вновь восстановленном Наркомате государственной безопасности экономические подразделения были упразднены.

С необычного ракурса показано нарастание социальной напряженности в советском тылу, вызванное возвращением с фронта инвалидов Отечественной войны. Высказано мнение, что на совершение противоправных деяний, таких как спекуляция, мошенничество, кражи общественного и личного имущества граждан, в том числе с применением насилия, их подталкивали тяжелые бытовые условия, волокита при назначении пособий и пенсий и всевозможные злоупотребления местных начальников своим служебным положением [10, с. 322–324].

Любопытный эпизод повседневной работы союзной Прокуратуры в годы войны представлен в работе А. Г. Звягинцева и Ю. Г. Орлова [25]. Прокурор СССР В. М. Бочков часто вызывал к себе руководителей наркоматов, заставляя их подолгу ждать приглашения в кабинет. Бывали случаи, когда во время беседы с высоким правительственным чиновником по поводу выявленных в его ведомстве недочетов он предлагал стоявшему рядом начальнику уголовно-следственного отдела М. Ласкину: «Минай, а ну-ка найди на него (т. е. наркома) соответствующую статью в Уголовном кодексе». Такие откровенные угрозы лишали человека душевного равновесия, но побуждали сделать все, чтобы подобные встречи происходили как можно реже [25, с. 231]. В книге сообщается также об издании Генпрокурором 17 марта 1944 г. приказа, вводившего сокращенные сроки расследования (не более 15 дней) по делам о хищениях в торговле и спекуляции. Это должно было активизировать работу местных надзорных органов в данном направлении [25, с. 302].

Начало 2000-х гг. ознаменовалось выходом юбилейного двухтомника, посвященного столетию российской милиции и, в частности, деятельности штатных и секретных сотрудников НКВД по пресечению уголовной преступности в условиях войны. Из указанных материалов можно узнать, что подразделения милицейской разведки, которые оснащались документами прикрытия, личным оружием, спецгардеробом и квартирами для конспиративных встреч, по заданию ОБХХС вели скрытое наружное наблюдение за производственными объектами, находившимися в разработке, а также за окружением подозреваемых в хищениях. Впервые разрешалась вербовка осведомителей, начиная с 15-летнего возраста, из числа подростков, преступивших закон [43, с. 353].

На региональном уровне публиковались материалы о персоналиях. Например, о демобилизованном по ранению фронтовике Николае Слядневе – лучшем оперативнике Челябинского ОБХСС. За первое полугодие 1945 г. он завершил 31 уголовное дело о кражах государственного имущества, разоблачил начальника одной из станций Южно-Уральской железной дороги, промышлявшего сбытом на сторону вагонов с углем и соляжкой. Другой сотрудник городского управления милиции младший лейтенант Михаил Лизунов в 1944 г. сумел обезвредить группу конокрадов, угонявших колхозный скот, а затем и банду вооруженных налетчиков на госучреждения. Благодаря ему в казну были возвращены сотни тысяч рублей [42, с. 172, 173].

Как представляется, не теряет актуальности монография [51] автора данной статьи. В книге охарактеризовано «теневое» производство и распределение предметов ширпотреба в промышленной и потребительской кооперации, а также меры противодействия этому [51, с. 165–167, 209–212].

Отдельные сведения о случаях воровства в особо крупных размерах можно найти в статье Р. Р. Хисамутдиновой [69, с. 119, 120]. Организация во второй половине 1942 г. Челябинским областным судом публичных процессов над расхитителями колхозного имущества представлена в коллективном труде А. П. Абрамовского, В. С. Кобзова, Е. А. Вериги [2, с. 62]. Любопытные данные о коррупционных сетях с участием руководителей Кустанайского областного управления милиции, применявшихся организаторами цыганского лжеколхоза в целях сокрытия операций с ворованными лошадьми, приведены в очерке об истории уголовного розыска Южного Урала [55, с. 65].

Уникальные материалы И. В. Говорова показали, каким образом, из кого вербовались «доверенные лица», секретные осведомители и квалифицированные агенты. Осведомительной сетью старались охватить в первую очередь рынки, базары, предприятия общественного питания, госучреждения и организации (в том числе торговые). Получаемая органами информация способствовала сокращению сроков раскрытия крупных краж и афер [11, с. 111–112].

Функционирование лагерных судов стало предметом исследования Г. М. Ивановой. Такие суды были образованы по Указу Президиума Верховного Совета СССР 30 декабря 1944 г. и просуществовали до 1954 г. К их компетенции относились все дела об уголовных правонарушениях, совершенных заключенными и вольнонаемным персоналом в лагерях и колониях НКВД. В конце войны каждый

седьмой случай судебного разбирательства в ГУЛАГе был связан с хищением или растратой, за которые, главным образом, привлекались те, кто хотя и отбывал срок за аналогичные деяния, но имел доступ к материальным ценностям (кладовщики, повара, бухгалтеры и т. п.). Отмечались случаи расправ таких рецидивистов над донесшими на них «товарищами по несчастью» [29, с. 298].

В докладе Л. Я. Лончинской в научном плане особенно важны два момента, не позволяющие интерпретировать правонарушения как единичные: 1) среди работников Южно-Уральской железной дороги, пойманных на хищениях, 11 % составляли коммунисты; 2) наиболее массовыми были мелкие кражи с производства, доля которых доходила до 55 % от всех зарегистрированных корыстных преступлений. В 1944 г. судебные органы признали, что кражи «стали системой» [39, с. 100, 101].

Масштабное изучение «черного» рынка провел В. С. Пушкарев. По его расчетам, у незначительной части населения, систематически занимавшейся торговлей на городских «толкучках», к концу войны скопились на руках суммы наличных денег, достаточные для проведения оптовых операций. Налаживая контакты с администрацией предприятий, производивших предметы потребления, они через подконтрольные им неформальные коммерческие структуры сбывали фондируемые товары по ценам, в сотни раз превышающим официально установленные.

Некоторые высокопоставленные чиновники сами выступали в роли подпольных предпринимателей. Так, заместитель наркома пищевой промышленности Татарской АССР в первой половине 1945 г. закупил на собственные средства 1,2 т какао-бобов и разместил на подотчетной ему кондитерской фабрике заказ на выработку шоколадных конфет. После продажи всей партии подельники доставили ему выручку на квартиру. И это не единичный пример. Оказывается, подобные частные лавочки выявлялись республиканской госторгинспекцией в системах «Загозерно», потребкооперации, общепита, ОРСов, госпиталей и аптечных управлений. Они существовали даже на базах Колымснаба Дальстроя НКВД СССР и в Главвоенфлотторге [53, с. 218, 221].

В статье В. С. Пушкарев получила оценку организация Особторга в апреле 1944 г. В задачу этой структуры входила реализация дорогих, остродефицитных и престижных вещей состоятельным покупателям. Автор считает, что тем самым государство способствовало «отмыванию» теневых капиталов. Нам же видится здесь попытка защитить установленные для народа скромные потребительские стандарты от избыточного давления денежной массы, накопленной неправомерным путем. Исследователь отметил двойственную роль теневого сектора, который, с одной стороны, сводил в одну товаропроводящую сеть колхозный рынок, нелегальных и полуполигальных посредников, государственную и кооперативную торговлю вкуче с подсобными предприятиями, стимулируя тем самым производство дополнительного количества продуктов питания и предметов массового спроса; а с другой стороны, на «черный» рынок поступали преимущественно нормируемые товары, изъятые тем или иным путем из госфондов, что приводило к ухудшению и без того тяжелого материального положения большинства населения [53, с. 224].

В работах В. А. Гусака [15; 16; 17] есть информация об организации в областях, объявленных на военном положении, особых групп из местных жителей, участвовавших в охране государственного и колхозно-кооперативного имущества. Отмечаются факты спекулятивных операций должностных лиц, командированных в уральскую провинцию из центральных регионов. Используя свои полномочия, чиновники закупают дефицитные изделия в столице и перепродавали их на местных рынках. Сообщается о мошеннических схемах, практиковавшихся отдельными работниками типографий (фальсификация карточек и талонов, дающих право на получение продуктов и промтоваров, в том числе в подпольных печатных цехах с помощью ворованного шрифта). Часть «кормовых бумаг», как их тогда называли, при отоваривании не утилизировалась, а утаивалась и повторно пускалась в оборот сотрудниками контрольно-учетных бюро через государственные и кооперативные магазины. Поэтому надзорные органы особую роль отводили проверкам торговых точек.

В. А. Гусак отметил, что властям пришлось проводить специальные мероприятия по пресечению преступной деятельности расхитителей зерна и муки. В связи с обострением в конце 1942 г. продовольственного кризиса и возникшими перебоями в нормированном снабжении населения, жестко карались не только случаи воровства хлеба в крупных размерах, но и мелкие кражи с колхозных полей. Формы и методы хищения были разнообразными. Колосья пшеницы срезали и уносили в холщовых мешочках, спрятанных под верхней одеждой, в пустых бутылках из-под питьевой воды, в натальном белье и даже в обуви.

Отдельно рассматривается проблема сохранности железнодорожных грузов. Чаще всего вагоны и контейнеры вскрывали сами машинисты и их помощники. Однако были зафиксированы и эпизоды,

когда в краже участвовали спецпоселенцы, учащиеся фабрично-заводских училищ, эвакуированные. Материально-бытовое положение этих групп населения зачастую не обеспечивало им прожиточного минимума.

Автор делает общий вывод о том, что к концу войны эффективность работы органов внутренних дел повысилась, поскольку сумма и количество изъятых у расхитителей денег и ценностей существенно возросли. В. А. Гусак обращает внимание, что к функциям милиции тогда относилось не только предотвращение последствий, но и устранение причин, обусловивших отступления от норм «социалистической законности».

Деятельность ОБХСС описана в коллективной статье Р. Р. Алабердеева, Ю. В. Латова и С. В. Тишкова [4]. Период великой Отечественной войны выделен авторами особо. Исследователи подчеркивают, что многие экономические преступления совершались тогда не ради наживы, а для элементарного пропитания. В качестве способов борьбы с ними применялись внезапные рейды и ревизии хозяйственных организаций, оперативные заслоны и посты на транспорте. Указывается на особую общественную опасность фальшивомонетчиков, спекулянтов золотом и валютой [4, с. 59–62].

Изъяны снабженческо-распределительного механизма и рыночной торговли на Урале в 1941–1945 гг. проанализировала Н. П. Палецких. К этим нарушениям она отнесла:

- запрещенную куплю-продажу продовольственных карточек и талонов на городских «барахолках». Ее размах побудил Прокуратуру СССР в 1943 г. дать указание о том, чтобы лица, участвующие в подобных сделках, привлекались к уголовной ответственности по ст. 169 УК РСФСР за мошенничество и ст. 107 за спекуляцию (в обоих случаях предусматривалось лишение свободы на срок до пяти лет с конфискацией имущества);

- превращение ОРСов в инструмент незаконного перераспределения выделяемых им централизованных фондов, что приводило к ущемлению рабочих «командирами производства»;

- неэффективность общественного контроля за системой заводского общепита из-за препятствий, чинимых администрацией;

- избирательное применение санкций: увольнение, выговоры, отдача под суд грозили, и то не всегда, только работникам системы снабжения. Уличенные в злоупотреблениях партийные, профсоюзные и хозяйственные руководители отделялись мягкими вариантами наказаний;

- превращение колхозных базаров в место сосредоточения подпольных дельцов и спекулянтов [50, с. 36–65].

Методология «истории повседневности» легла в основу монографии И. Б. Орлова. Проанализировав обширные эмпирические данные, ученый высказал предположение, что теневое перераспределение в 1941–1945 гг. играло более значительную роль, чем официальные льготы. Здесь в предпочтительном положении находились руководящие кадры торговли и общепита, директора предприятий, располагавших подсобными хозяйствами, а также те, кто имел отношение к остродефицитным товарам и услугам (топливо, пассажиро- и грузоперевозки и т. п.).

Повсеместно практиковалось незаконное прикрепление номенклатурных работников и их семей к пунктам питания, предназначенным для детей, больных, инвалидов, причем нередко сразу к нескольким одновременно. Широкое распространение получило самообеспечение районного начальства за счет продукции колхозов: если мелкие чиновники брали в долг или частично оплачивали продукты по «договорным ценам», то первые лица просто брали, требуя списывать поборы.

Характерно, что привлекались за разбазаривание фондов только низовые работники торгов (продавцы, товароведы), реже заведующие магазинами, да и то лишь за мелкие хищения, тогда как в отношении крупных самоснабженцев надзорные органы ограничивались административными взысканиями. Это и неудивительно, поскольку документы тех лет содержат сведения об активном участии самих прокурорских работников в подобном «кормлении».

И. Б. Орлов заключил, что неравенство в нормах обеспечения и многочисленные злоупотребления в сфере снабжения продовольствием и предметами первой необходимости устанавливали в милитаризованном социуме определенные психологические барьеры, способствовали его разделению на «мы» и «они». Это провоцировало различные формы социального протеста [48, с. 142–147].

Попыткой комплексного изучения институтов советской юстиции в 30–50-е годы XX в. отличается монография А. Я. Кодинцева [31]. В книге воссоздана обстановка военных лет, в которой приходилось работать сотрудникам региональных подразделений Наркомата юстиции, судьям, судебным исполнителям, адвокатам и нотариусам. Были обнаружены факты коррупции в их среде. Так, начальник Курганского областного управления НКЮ К. М. Назаров, назначенный на свой пост в 1944 г. и имевший только начальное образование, превратился в посредника при приобретении това-

ров для областной элиты, добывая их везде, где только возможно. В 1946 г. его сняли. Возглавлявший отдел адвокатуры НКЮ РСФСР Л. М. Яхнич, используя свое служебное положение, вымогал деньги у провинциальных Коллегий защитников во время ревизионных поездок. Тоже был уволен. Заведующий консультацией Ленинского района Челябинска Л. П. Фрис был уволен и осужден на 3 года тюрьмы за мошенничество при получении гонорара [31, с. 312, 363, 368].

Нередко блюстители закона присваивали вещественные доказательства, лишали эвакуированных жилья в интересах родственников и знакомых, за взятки приводили в негодность или «теряли» уголовные дела, задерживали исполнение судебных приговоров. Если в 1943 г. к уголовной ответственности по РСФСР было привлечено 70 народных судей, то в 1944 г. уже 106 [31, с. 316, 317].

Касаясь функционирования военной юстиции, А. Я. Козинцев остановился на Постановлении ГКО от 3 марта 1942 г., согласно которому виновные в хищении, хранении ворованного и порче армейского имущества приравнивались к врагам народа и приговаривались к смертной казни. После распространения военного положения на работников железнодорожного транспорта они тоже подпали под это постановление [31, с. 336].

В книге приведены любопытные детали оптимизации работы системы судебного исполнения. Согласно распоряжению союзного Правительства № 5982 от 27 июня 1941 г., судебные исполнители, производящие взыскание в пользу государственных, кооперативных и общественных организаций по делам о растратах и хищениях, квалифицированных по ст. 162 УК РСФСР (кража со складов, вагонов, судов и иных хранилищ) и Закону от 7 августа 1932 г., получили право на вознаграждение в размере 5 % от взысканных сумм. Но несмотря на это, реально по России удовлетворялись 15–20 % исков. На остальные составлялись акты по несостоятельности или нерозыску должников.

Плохое осуществление своих профессиональных обязанностей судисполнителями выражалось в том, что они зачастую уничтожали описи конфискованных вещей и брали их себе; присваивали полученные от продажи имущества осужденных суммы, подделывая подписи получателей; совершали незаконные поборы с граждан. В первом полугодии 1945 г. в 37 регионах СССР были обнаружены растраты судебных исполнителей на 628,9 тыс. руб. [31, с. 373–375].

С достаточной степенью репрезентативности заявленная проблема отражена в диссертации В. В. Блиновой [7]. Первый параграф второй главы непосредственно посвящен усилиям милиции по ликвидации экономических преступлений. Представлены их виды (кражи, растраты, подделка карточек, спекуляция, налеты на склады и магазины, хищение грузов на железной дороге, горючего и зерна в колхозах, совхозах, МТС и нефтебазах) и проанализированы причины, среди которых «лидируют» введение карточной системы на продовольствие и предметы первой необходимости, плохая организация учета и охраны материальных ценностей. Автором составлены статистические таблицы по выявленным, расследованным и доведенным до суда имущественным правонарушениям.

Правоохранительным мероприятиям, осуществлявшимся в сельской местности, посвящена статья К. Н. Латыповой [38]. Речь в ней идет о хищениях хлеба в колхозах, пекарнях и магазинах потребительской кооперации, краже горючего на расположенных в глубинке нефтебазах, преступно-небрежном обращении с тягловой силой, тракторами и сельскохозяйственными машинами [38, с. 132].

Развернутый очерк по истории Челябинской областной прокуратуры в годы Великой Отечественной войны содержится в мемуарах Л. А. Вишни [9]. В соответствующем фонде Объединенного архива Челябинской области документы военной поры практически не представлены, и названная публикация позволяет частично ликвидировать этот пробел. Обращает на себя внимание рассказ о попытках главы надзорного органа П. В. Ефимова опротестовать решения районных и городских исполкомов Советов об установлении предельных цен на продукты, продаваемые на колхозном рынке, поскольку они вели к сокращению привоза, усилению дефицита продовольствия и разгулу спекуляции в регионе [9, с. 79].

Важным делом в то время стало пресечение нелегальной торговли талонами на питание, продовольственными карточками, стахановскими пропусками в столовую с усиленными обедами. Источником теневых ресурсов обычно выступали отделы рабочего снабжения крупных заводов и контрольно-учетные бюро. Автор мемуаров вспоминает, как «ответственные» лица формировали и разбазаривали «излишки», какие усилия потом приходилось прилагать следователям для предания расхитителей суду, каким образом разоблачались подпольные типографии и мастерские по фабрикации фальшивых «кормовых бумаг». Воспоминания Л. А. Вишни проиллюстрированы краткими биографическими очерками о сотрудниках прокуратуры, отличившихся в годы войны на поприще борьбы с ворами и мошенниками.



Заметным событием среди обществоведов стала защита диссертации С. М. Емелиным и публикация им ряда научных статей [21; 22; 23; 24], где с опорой на общесоюзные данные определена специфика экономической преступности и правовая база противодействия ей в годы Великой Отечественной войны. Впервые было подсчитано количество осужденных за хищения государственной собственности – 1 810 784 чел., в том числе: за кражу и порчу зерна – 247 665 чел., воровство и разбазаривание продуктов и промтоваров – 193 052 чел., злоупотребление продуктами и промтоварными карточками – 40 657 чел., растрату продуктов и промтоваров – 38 663 чел., обмеривание и обвес покупателей – 7 149 чел. Автором приведены сведения о борьбе со спекуляцией на Южном Урале: в Чкалове (ныне Оренбург) и Челябинске. Кроме того, показано, как осуществлялось взаимодействие органов внутренних дел, участковых уполномоченных с населением и общественностью (сельскими исполнителями, группами общественного порядка, бригадами содействия милиции, дворниками, управдомами, доверенными лицами) в деле охраны социалистической собственности. Наивысшей точки, по данным С. М. Емелина кривая преступности достигла в 1944 г. Начиная с 1945 г., благодаря профилактическим мерам и расширению спектра воздействия на криминогенную обстановку, она начинает последовательно снижаться. В 1945 г. удалось добиться резкого снижения зарегистрированных уголовных деяний (на 17,3 %).

Об асоциальных практиках расхитителей и спекулянтов военной поры идет речь в работах Д. В. Тумакова [65; 66; 67]. На основе изучения неопубликованных источников, содержащихся в хранилищах Ярославской области, автор интерпретирует тотальное воровство с государственных объектов как необходимое условие выживания людей. Легкость, с которой простые люди шли на криминал, он объясняет развалом агентурной сети милиции, недостатками в организации учета, контроля и охраны товарно-материальных ценностей на промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, а также низким уровнем профессионализма и коррупцией среди стражей порядка. Д. В. Тумаков выявил своеобразную иерархию деятелей «черного рынка». В соответствии с ней низшую ступень занимали рядовые работники магазинов, ломбардов, вокзалов и рынков. Против них возбуждалось 90 % всех дел о спекуляции. Далее шли перекупщики, имеющие «крышу» и связи в регионах. На вершине находились крупные спекулянты, которые сумели обзавестись покровителями в различных властных структурах.

А. Г. Пашкин провел социологический анализ делинквентного поведения жителей Ульяновской области в 1941–1945 гг. с опорой на широкий комплекс документальных источников двух региональных архивов – Государственного архива Ульяновской области (ГАУО) и Государственного архива новейшей истории Ульяновской области (ГАНИ УО) [52]. Это позволило ему определить детерминанты имущественных преступлений. Так, торгующие организации Ульяновска в период, предшествовавший введению карточек, целенаправленно завышали утвержденные государством цены на продукты и ширпотреб в среднем на 10–20 %. Отдельные граждане товар, купленный в магазине, реализовывали на рынке в десять раз дороже. Вал мелкой спекуляции закономерно вызывал инфляцию на рынках. Реальные же доходы населения были таковы, что не позволяли удовлетворять даже весьма скромные бытовые потребности. В результате наблюдалась массовая криминализация, которой в наименьшей степени были охвачены кустари, изготавливавшие ширпотреб, а в наибольшей – лица без определенного рода занятий. После издания постановления СНК СССР, разрешившего с 1 июля 1944 г. свободную продажу сельскохозяйственных продуктов колхозникам и единоличникам Ульяновской области, количество осужденных за спекуляцию ощутимо снизилось. Для правонарушителей-служащих были характерны должностные злоупотребления и растраты, а для рабочих – кражи с производства.

Лавинообразный рост хищений госсобственности в регионе имел место во втором полугодии 1942 г. Это была реакция на вторую волну эвакуации. Затем количество экономических преступлений стало плавно снижаться: за период 1943–1944 гг. среднеквартальная численность осужденных составляла 950 чел. В первом полугодии 1945 г. она снизилась соответственно до 500 чел.

Изучив массив партийных документов, демонстрирующих положение с преступностью в Ульяновской области, автор пришел к заключению, что этот вопрос разбирался почти на каждом заседании бюро территориальных коммунистических организаций области. Разрабатывались конкретные меры противодействия расхитителям и скупщикам краденного; изыскивались пути решения кадровой проблемы в органах НКВД и юстиции. Для помощи правоохранителям создавались общественные организации. Так, к патрулированию железных дорог были привлечены колхозники ближайших деревень. За это они получали плату в размере среднего заработка. Затем их стали задействовать в охране урожая, семенного фонда, поголовья скота, в дежурствах в ночное время по околицам и важ-

нейшим дорогам. Охранные функции взяли на себя бойцы народного ополчения и специальные группы обеспечения общественного порядка.

Государственная торговля в эпоху сталинизма стала объектом научного интереса Е. Д. Твердюковой [60; 61; 62]. Периоду Великой Отечественной войны отведено важное место, причем указанные работы сопровождаются объемными ссылками на англоязычную литературу. Исследовательница обращает внимание на организацию Особторга в марте 1944 г. Целью данной структуры было удовлетворение потребительских запросов отдельных высокооплачиваемых групп населения (работников науки, техники, искусства, литературы, высшего офицерского состава Красной Армии). Организация использовалась директорами коммерческих магазинов и ресторанов для различного рода махинаций: только на пересортице хлебобулочных изделий они «зарабатывали» от 5 до 12 тыс. руб. в день при средней зарплате по стране 442 руб. в месяц.

В эпизодах, посвященных формам борьбы с мешочничеством (один из источников спекуляции), автор упоминает постановление ГКО от 25 сентября 1942 г., которое разрешало милиционерам проводить изъятие у пассажиров железнодорожного и водного транспорта предметов, превышающих установленную норму провоза ручной клади (16 кг), и безвозмездно передавать их в госторговлю и общепит. Кроме того, мешочников наказывали штрафами, а тех, кто попадался повторно или с большим объемом «багажа», отдавали под суд. Среди них встречались и инвалиды Отечественной войны, и профессиональные аферисты с поддельными проездными документами. Несмотря на то, что данное явление приобрело широкий размах (в 1945 г. по стране было задержано свыше 75 тыс. чел., конфисковано почти 3000 т продуктов), уголовное наказание понесли менее 1 % нарушителей [61, с. 87].

Е. Д. Твердюкова, исследуя нормированное снабжение, обращает внимание на то, что такое происшествие, как утеря гражданами карточек, многие партийные функционеры (например, А. А. Жданов) называли каналом утечки продовольствия. Тем не менее, многие люди, обращавшиеся в исполкомы с соответствующими заявлениями, получали новые продуктовые документы. Отмечены автором повсеместные хищения карточек и в типографиях, где они печатались; и в карточных бюро, где распределялись; и на предприятиях, в учреждениях и домоуправлениях, где выдавались; и в магазинах, где отоваривались; и в контрольно-учетных бюро, где уничтожались. На толкучках их открыто продавали или обменивали на ширпотреб. В сентябре 1943 г. ЦК ВКП(б) даже был вынужден принять специальное решение, обязывающее обкомы и горкомы партии принять меры к ликвидации подобных правонарушений. В результате удалось обезвредить 142 преступных сообщества, промышлявших реализацией хлебных и других талонов [61, с. 95].

Изучив злоупотребления в советской торговле, Е. Д. Твердюкова отметила, что если до войны преступные посягательства были сосредоточены, главным образом, на завладении деньгами, то в войну в приоритете оказались хлеб, мясо, крупы, масло и др. Выручка от их сбыта обращалась в золото, драгоценности и иностранную валюту. Методы прямого хищения дополнялись самоснабжением, раздачей дефицита близким и знакомым по запискам и спискам. В Ленинграде даже появился термин «аристократы от плиты», под которым подразумевались повара, буфетчицы, официанты, обвешанные дорогими украшениями и не скрывавшие высокомерного отношения к посетителям пунктов питания. В монографии приведен ужасающий факт: только в одной из столовых блокадного Ленинграда с января 1942 г. по март 1943 г. сотрудниками было украдено около 17 т нормированных продуктов [61, с. 164].

При этом торговые организации всячески саботировали передачу дел на растратчиков в судебно-следственные органы и не торопились их увольнять. Изобличенные же преступники, как правило, избегали наказания по Закону от 7 августа 1932 г., а привлекались по более мягкой ст. 109 УК РСФСР. Только с выходом Постановления ГКО от 22 января 1943 г. «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием продовольственных и промышленных товаров» ситуация стала меняться. Вместе с тем, СНК СССР своим распоряжением 26 июня 1943 г. ввел порядок списания на убыток всех сумм, независимо от размера, числившихся за материально ответственными лицами, призванными в армию и погибшими на фронте, а также недостач до 5 тыс. руб. при отсутствии в действиях подозреваемых злого умысла.

Один из очагов латентного воровства располагался в ОРСах и продснабах. Среди методов незаконного обогащения названы: искусственное создание излишков путем обмана потребителя; завышение числа обслуживаемого контингента; замена качественных фондируемых товаров низкосортной продукцией подсобных хозяйств; выписка фиктивных актов на порчу, выдача подложных справок о самозаготовках и проч. На кустарных предприятиях при заводах отчеты фальсифицировались в сторону преуменьшения выпуска. Напротив, сырье списывалось в преувеличенном количестве. Готовые

изделия доставались не работникам, а продавались на рынке. Выручка делилась среди «своих». Всего в 1944 г. по ОРСам было закончено производством 5 139 дел с привлечением к ответственности 8 397 чел., ликвидировано 1 656 преступных групп [61, с. 165]. По словам следователей прокуратуры, попадались, в основном, мелкие, неопытные расхитители. Квалифицированные воровали так, что их балансы всегда были в отличном состоянии.

Е. Д. Твердюкова попыталась разобраться и в специфике работы судебно-следственных органов, которым дана в целом удовлетворительная оценка, несмотря на перманентные нарушения сроков ведения и рассмотрения возбужденных уголовных дел и недостаточность усилий по возмещению нанесенного ущерба. Показателем явилось некоторое сокращение к концу войны отраженных в статистике криминальных эпизодов сфере распределения.

Самым распространенным деликтом, подрывавшим экономическую основу государства и дезорганизовавшим централизованное снабжение, признавалась спекуляция. В начальный период войны считалось, что для нее нет социальной базы, поскольку все заняты общественно полезным трудом. Однако в 1942 г. произошел почти двукратный рост количества привлеченных «за нарушения правил торговли». Наркомат юстиции был вынужден указать на отсутствие состава преступления в делах при обмене на городских рынках личных вещей или одних продуктов на другие. Обобщение практики военных лет позволило Е. Д. Твердюковой перечислить обстоятельства, исключая применение статьи 107 УК РСФСР (спекуляция). К ним относились:

- мена или продажа по свободным ценам собственного имущества и полученных в установленном порядке нормированных продуктов;
- реализация продукции крестьянских подсобных хозяйств;
- обнаружение у подозреваемых запасов продовольствия или вещей, превышающих надобности семьи при отсутствии доказательств об их приобретении с целью наживы [61, с. 204].

Несмотря на то, что жены военнослужащих и инвалиды Отечественной войны нередко подвергались задержанию при осуществлении на рынках сомнительных сделок и на то, что многие нигде не работали, их дальнейшее преследование считалось нецелесообразным. Эти случаи в статистику правоохранительных органов не попадали. Часть дел подобного рода, в которых фигурировали лица, имевшие доступ к материальным ценностям, проходила в судах по Закону от 7 августа 1932 г. и по статьям о должностных преступлениях. Кроме того, с ноября 1943 г. на освобожденных от врага территориях была временно разрешена частная торговля, и ею занимались все кому не лень. Возможно, в такой политике кроется причина сокращения числа осужденных за спекуляцию в 1944–1945 гг.

Самым простым и относительно безопасным способом хищения являлось обмеривание и обвешивание покупателей. Этому способствовало отсутствие в большинстве магазинов контрольных весов, достаточного количества клейменных гирь, вывешенных объявлений о правилах отпуска товаров, меню с нормами закладок и выхода продуктов и проч. Проверки, проводимые госторгинспекцией совместно с партийным и советским активом, обычно завершались административными взысканиями, реже – увольнением проштрафившихся. В целом ряде областей к уголовной ответственности не был привлечен ни один человек. Взятки и круговая порука помогали уйти от наказания [61, с. 235, 236].

Примечателен сюжет об артелях промысловой кооперации, которые, манипулируя имевшимися у них сырьевыми, производственными и кадровыми ресурсами, и в условиях войны ухитрялись находить выгодные и не всегда легальные схемы реализации своих изделий и уменьшения налоговых выплат [61, с. 274–277].

Из монографии В. А. Чашникова можно узнать о нелицеприятных нюансах в работе уральской милиции. Оказалось, что среди ее сотрудников использование служебного положения для извлечения личной выгоды в первые три месяца войны являлось самым распространенным правонарушением (осуждено 22 человека) [70, с. 27].

Исчерпывающие данные о количестве и видах хозяйственных преступлений в период 1941–1945 гг. представил научному сообществу А. В. Наумов, обнародовавший статистику из фонда Верховного Суда СССР. Материалы свидетельствуют, что существенного снижения хищений и должностных преступлений добиться так и не удалось. Сократились лишь масштабы спекуляции. Этим подтверждаются гипотезы и выводы авторов, упомянутых выше [47, с. 19, 20].

Из недавних публикаций отметим статьи К. М. Абидулина [1], С. В. Ханина [68] и Н. В. Лысака [40]. Первый автор, опираясь на архивные документы, отметил в 1942–1944 гг. резкое увеличение количества краж и разбойных нападений с целью завладения чужим имуществом. Контингент преступников состоял, главным образом, из дезертиров и несовершеннолетних. В качестве

самого «массового» деликта называлась спекуляция [1]. Второй исследователь обратил внимание на сотрудничество милиции и населения: для раскрытия преступлений формировались бригады содействия милиции. Состоять в рядах «бригадмилльцев» было почетно, и туда стремились попасть даже школьники старших классов [68]. Автор третьей публикации рассказал о том, что вследствие разукрепления контрольно-ревизионного аппарата на местах настоящим бичом для сельской товаропроводящей сети стали должностные растраты. Изжить их не помогло даже ужесточение уголовной и имущественной ответственности. Резким обострением криминогенной обстановки в годы войны объяснялся и послевоенный всплеск экономической преступности в СССР [8].

В канун семидесятилетия Великой Победы активизировались исследования и соответствующие публикации о правоохранительных институтах военной поры в советских республиках. Так, И. С. Мухамадиев изучал деятельность Прокуратуры Таджикистана по расследованию спекулятивных операций с хлебом и другой сельскохозяйственной продукцией [45; 46]. Удалось выяснить, что работники надзорного ведомства лично участвовали в поддержании обвинения в суде только в каждом четвертом случае. Это объяснялось острой нехваткой кадров. Отсутствие на процессе обвинителя зачастую приводило к назначению слишком мягкого наказания. Для преодоления указанного недостатка местные органы обращались в Москву с просьбой о выделении необходимого количества квалифицированных специалистов.

Ажиотажный спрос и перебои в снабжении продовольствием явились, по мнению А. Ш. Кабировой, основной причиной деликтов экономической направленности в Татарской АССР [30]. Исследовательница подчеркнула групповой характер подавляющего большинства правонарушений в данной сфере. А автор другой работы, Г. М. Иванова, пришла к выводу, что крупные хищения государственной и общественной собственности совершались не в состоянии крайней нужды, чтобы спастись от голода, а с целью наживы и личного обогащения [28].

В статьях Н. Д. Козлова приведены факты использования властями такого инструмента управления, как анонимные опросы и изучение обращений населения в вышестоящие инстанции [33; 34]. Для проверки поступивших сигналов (каждое второе обращение касалось злоупотреблений в системе заводского общепита и снабжения) создавались спецкомиссии с участием инструкторов и секретарей горкомов партии, которые были вправе передавать собранные материалы в милицию, увольнять начальников цехов, утративших доверие рабочих, а также изыскивать дополнительные фонды на продукты, одежду, обувь, дрова и транспорт.

Свою классификацию экономических преступлений военных лет предложил С. П. Шатилов. Исходя из существовавшей тогда юридической базы, он подразделил их следующие категории:

- преступления, совершаемые против социалистической собственности и социалистического хозяйства: бесхозяйственность (ст. 128 УК РСФСР); учреждение лжекооператива, руководство им и участие в нем (ст. 129-а УК РСФСР), содействие лжекооперации (ст. 111-а УК РСФСР);
- преступления в сфере промышленности: выпуск недоброкачественной продукции (ст. 128-а УК); нарушение технологической дисциплины (Постановление СНК СССР от 8 декабря 1940 г.); незаконный отпуск, продажа или обмен оборудования или материалов (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1940 г. «О запрещении продажи, обмена и отпуска на сторону оборудования и материалов и об ответственности по суду за эти незаконные действия»);
- преступления в сфере сельского хозяйства: нарушения постановлений об охране лесов (ст. 85 УК); водные преступления (предусмотренные отдельными статьями УК);
- преступления в сфере торговли: спекуляция (ст. 107 УК); нарушение правил торговли (ст. 105 УК); обвешивание и обмеривание покупателей (ст. 128-в УК); массовый или систематический выпуск торговыми предприятиями недоброкачественной продукции (ч. 2 ст. 128-а УК);
- преступления в сфере финансов: налоговые преступления (ст. 60–62 УК); изготовление и выпуск денежных суррогатов (ст. 128-г УК);
- преступления, нарушающие интересы отраслей народного хозяйства: нарушение правил о производстве рыбного промысла (ст. 86 УК); нарушение правил охоты (ст. 86 прим. УК); нарушение правил по разработке недр земли (ст. 87 УК);
- прочие преступления против социалистической собственности и социалистического хозяйства, например изготовление и хранение самогона для сбыта, а также торговля им в виде промысла (ст. 102 УК) [71].

С. П. Шатилов вместе с коллегами выделил факторы, обусловившие рост подобных деликтов. К ним он отнес следующие группы:

- 1) экономические, связанные с проблемами благосостояния населения, объемом реализации потребительских товаров и т.д.;
- 2) социально-демографические, вызванные эвакуационно-реэвакуационными процессами, половозрастным изменением структуры населения и другими аналогичными явлениями;
- 3) социальные и социально-психологические, продиктованные ослаблением общественного контроля над личностью в обстановке массовой вынужденной миграции, безнадзорности детей и подростков, обусловленной занятостью женщин на производстве, распадом семьи и т. д.;
- 4) иные факторы, к которым можно отнести упущения в учете, транспортировке и охране государственного имущества; противодействие мобилизационным мероприятиям со стороны слоев населения, ранее подвергавшихся репрессиям; деморализация и дезорганизация части властных структур, включая правоохранительные органы; прекращение работы по профилактике правонарушений и т. д. [73].

В других коллективных публикациях с участием С. П. Шатилова приведены сведения о масштабах и формах преступной деятельности в карточной системе Алтайского края [74], а также о фактах коррупции (взяточничества) среди сотрудников краевой прокуратуры, которые имели место в начальный период войны [72]. В последнем случае виновные, как правило, отделялись выговорами.

В новом, оригинальном жанре критической биографии написана книга А. В. Сушкова. Из нее можно узнать, как легендарный директор ЧТЗ в годы войны покрывал воровство входивших в его ближайшее окружение заводских руководителей и сам не гнушался использовать в личных целях продукты и средства, принадлежавшие вверенному ему заводу [59, с. 71, 122, 205, 235–237].

Необычный взгляд на судьбы людей, оказавшихся в поле зрения правоохранительных органов, присутствует в диссертации И. В. Батуриной. В работе показано участие адвокатов в громких судебных процессах над подозреваемыми в хищениях военного имущества. В качестве примера излагается дело бывшего командующего 5-й саперной армией Заранкина. Защиту вел Я. Л. Кругляк, заведующий юридической консультацией № 2 Челябинска, прибывший в эвакуацию на Южный Урал из Харькова. Генерал Заранкин обвинялся в растрате денежных средств при строительстве оборонительных рубежей осенью 1941 г. (для их возведения привлекалась рабочая сила со стороны) и разбазаривании армейского продовольствия, которое он, будучи заместителем начальника «Челябметаллургстроя», распределил среди командного состава строительства по существующим нормам и госцене. Поначалу Военный трибунал войск НКВД Челябинской области приговорил его к расстрелу. Однако адвокат, уверенный в неправомерности обвинения, добился изменения приговора в Военной коллегии Верховного суда СССР. Наказание снизили и с отсрочкой исполнения направили осужденного на фронт. Там он был ранен, с него сняли судимость и вернули ордена. В период подготовки Ялтинской конференции глав СССР, США и Великобритании Заранкин исполнял обязанности начальника Ялтинского укрепрайона. Так, благодаря профессионализму Я. Л. Кругляка, его скрупулезному анализу доказательств, умелому построению стратегии и тактики защиты, грамотному применению ораторских приемов, достойный и заслуженный человек остался жив [6, с. 156, 157].

Таким образом, научные работы, вышедшие в период с начала 1990-х по настоящее время, в сравнении с предыдущими публикациями, на наш взгляд, гораздо более содержательны. Их авторы были свободны от строго партийного контроля и идеологических клише. Исследователи получили возможность работать с документами, совсем недавно носившими гриф «секретно», и излагать свое мнение, основанное, в том числе, на знакомстве с трудами и методологическими наработками своих зарубежных коллег. Многие известные ученые приложили усилия к тому, чтобы дать четкую характеристику, доказать важность, научную значимость и перспективность избранной темы. Однако все еще приходится констатировать, что ни на общероссийском, ни на региональном уровне комплексный подход к изучению темы пока не реализован.

### ***Заключение***

Обзор имеющейся литературы по заявленной проблематике свидетельствует о разнообразии подходов, принципов сбора и изложения материала, притом что ни историки, ни юристы, пишущие на русском языке, не рассматривали экономическую преступность и борьбу с ней в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны как самостоятельный предмет исследования, указанные выше факты присутствуют в подавляющем большинстве работ как сопутствующие сюжеты к другим темам.

Так, лишь частично освещена деятельность институтов сталинской юстиции (наркоматов госбезопасности, внутренних дел, государственного контроля, военных трибуналов, суда, прокуратуры, адвокатуры). Рассказано об эволюции правовых и обыденных норм для хозяйственной и бытовой практики; о деликтах, спровоцированных карточной системой и параллельными каналами распределения в виде ОРсов, Особтогов, кооперативных предприятий. Фрагментарно освещена роль общественных организаций в предупреждении и выявлении хищений социалистической собственности. Присутствуют отдельные сведения о сотрудниках спецслужб, отличившихся на поприще борьбы с расхитителями. Также упоминается о лицах, в том числе облеченных властью, которые принимали непосредственное участие в противоправных деяниях.

Важно, что в некоторых работах классификация и статистика раскрытых экономических преступлений составлена с опорой на первоисточники, однако факторы, обусловившие экономическую преступность, как и приводимые в таких публикация цифры, нуждаются в верификации и современной интерпретации с учетом реалий тех лет. Все это позволяет заявить, что накопленные знания по анализируемой проблематике сохраняют преимущественно эмпирическую направленность и теоретического уровня пока не достигли.

Кроме того, имеющуюся базу сведений нельзя назвать достаточной. Она касается, главным образом, количественных показателей; указывает на очевидные причины и отдельных субъектов правонарушений в хозяйственной сфере. Современные критерии научного знания требуют исчерпывающей фактологии, точного методологического инструментария и концептуального понимания процессов, происходивших во время войны в социальной и уголовно-правовой сферах советского государства. Только при соблюдении указанных условий будет возможен объективный взгляд на борьбу государства и общества с экономической преступностью в 1941–1945 гг. Проверка и научная интерпретация сведений позволит найти дополнительные аргументы против фальсификаций и инсинуаций в вопросе о «цене» Великой Победы.

Проведенный нами экскурс в историографию об экономических преступлениях в годы Великой отечественной войны указывает на целесообразность исследования следующих моментов: 1) превентивных и реактивных мер властей по обеспечению сохранности государственной собственности; 2) оценки результативности этих мер; 3) специфики юридических норм и институтов военного времени, регламентировавших борьбу с казнокрадами, спекулянтами и взяточниками; 4) подробного описания всего спектра профессиональных методов противодействия экономической преступности, включая негласные; 5) количественных, качественных и мотивационных параметров как правоохранительной системы (контролирующих инстанций, органов НКВД, прокуратуры, суда, адвокатуры, пенитенциарных учреждений, общественных объединений, созданных для поддержания правопорядка), так и контингента лиц, привлеченных к ответственности; 6) изложения процессуальных аспектов знаковых уголовных дел, возбужденных против расхитителей; 7) процедуры судопроизводства и исполнения судебных решений.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Абидулин К. М. Работа органов НКВД по раскрытию экономических преступлений в г. Саратове и Саратовской области в годы Великой Отечественной войны // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 5–6. С. 13–15.
2. Абрамовский А. П., Кобзов В. С., Вериго Е. А. Челябинский областной суд. 70 лет. Люди, события, факты. 2-е изд. Челябинск : Каменный пояс, 2004. 283 с.
3. Айзенштат Я. Записки секретаря военного трибунала. London : Overseas Publications Interchange Ltd. 1991. 128 с.
4. Алабердеев Р. Р., Латов Ю. В., Тишков С. В. История борьбы в СССР с хищениями социалистической собственности // Историко-экономические исследования. 2007. Т. 8. № 1. С. 51–80.
5. Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М. : Наука, 1970. 466 с.
6. Батурина И. В. Челябинская областная коллегия адвокатов в 30-е – 50-е гг. XX в.: история становления и развития : дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2018. 265 с.
7. Блинова В. В. Деятельность органов НКВД Южного Урала в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008. 235 с.
8. Васильченко Д. В. Некоторые особенности экономической преступности в СССР в 1945–1955 гг. // Успехи современной науки. 2017. Т. 6. № 4. С. 16–18.

9. Вишня Л. А. Прокуратура Челябинской области: встречаемся у Вечного огня. Т. 1. Мы были солдатами. Челябинск : Губерния, 2009. 224 с.
10. Вольхин А. И. Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2001. 421 с.
11. Говоров И. В. Негласная агентура советской милиции в 1940-х годах // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 109–119.
12. Голяков И. Т. Советское право в период Великой Отечественной войны. В 2 чч. Часть II. Уголовное право – уголовный процесс. М. : Юриздат, 1948. 214 с.
13. Грабовская Н. П. Уголовно-правовая борьба с хищениями социалистической собственности (Закон 7 августа 1932 г.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1944–1946. 185 с.
14. Григуть А. Е. Роль и место органов НКВД СССР в осуществлении уголовно-правовой политики Советского государства в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 234 с.
15. Гусак В. А. Великая Отечественная: военный лик преступности // Выдающиеся представители научной, общественной мысли Урала: материалы третьей региональной научной конференции. Челябинск : ЧКАКИ, 2005. С. 128–131.
16. Гусак В. А. Милиция Южного Урала в годы Великой Отечественной войны. Челябинск: Челябинский юридический институт МВД России, 2007. 185 с.
17. Гусак В. А. Некоторые аспекты проблемы обеспечения общественного порядка в период 1941 - 1945 гг. // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны : материалы межвуз. науч. конференции, посв. 65-летию Великой победы, 21 апреля 2010 г. /под ред. В. Я. Рушанина, В. С. Толстикова, Е. В. Тищенко. Челябинск : Челябинская гос. акад. культуры и искусств, 2010. С. 115–122.
18. Гусак В. А. Некоторые вопросы деятельности советской милиции по реализации контрольных функций в период Великой Отечественной войны // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны : материалы межвуз. науч. конференции, посв. 65-летию Великой победы, 21 апреля 2010 г. /под ред. В. Я. Рушанина, В. С. Толстикова, Е. В. Тищенко. Челябинск : Челябинская гос. акад. культуры и искусств, 2010. С. 122–127.
19. Демидов А. Обеспечение экономической безопасности в годы Великой Отечественной войны // Армия и флот: [сайт]. URL:<http://www.armiyaiiflot.ru/ePages/2008/270208.htm> (дата обращения: 15.09.2017).
20. Демидов А. Деятельность территориальных органов государственной безопасности СССР в сфере военной экономики. 1941–1945 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Бишкек, 2009. 411 с.
21. Емелин С. М. Органы внутренних дел 1939–1953 гг.: эволюция статуса, правовых основ, организации и деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 535 с.
22. Емелин С. М. Организационно-правовые направления противодействия экономической преступности в годы Великой Отечественной войны // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 11. С. 85–91.
23. Емелин С. М. Историко-правовые аспекты борьбы с преступностью в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // История государства и права. 2010. № 17. URL: <https://center-bereg.ru/m1781.html> (дата обращения: 27.12.2018).
24. Емелин С. М. Развитие форм взаимодействия органов внутренних дел и общественности в годы Великой отечественной войны: правовые основы, особенности, исторический опыт // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 9. С. 28–36.
25. Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Приговоренные временем. Российские и советские прокуроры XX в. 1937–1953. М. : Росспен, 2001. 536 с.
26. Зинич М. С. Будни военного лихолетья, 1941–1945 : [в 2 вып.]. Продовольственное снабжение в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Вып. 1. М. : ИРИ, 1994. 128 с.
27. Зубов Ю. П. Деятельность местных Советов Коми-пермяцкого округа по укреплению социалистической законности в 1941–1945 гг. // Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной истории Прикамья в годы Великой Отечественной войны. Пермь: Б. и., 1991. С. 70–77.
28. Иванова Г. М. По законам военного времени: правоохранительная деятельность государства в условиях Великой Отечественной войны // Труды института российской истории РАН. 2017. № 14. С. 49–71.
29. Иванова Г. М. Лагерная юстиция в СССР 1944–1954. // Труды Института российской истории РАН. М., 2004. № 4. С. 287–306.
30. Кабинова А. Ш. Борьба с экономическими преступлениями в период Великой Отечественной войны (на материалах Татарской АССР) // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность : материалы международной научной конференции, 17–19 марта 2016 г. / под общей ред. В. Н. Скворцова. Санкт-Петербург : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. С. 52–58.
31. Козинцев А. Я. Государственная политика в СССР в 30-е – 50-е годы XX века в сфере юстиции. Куртамыш : ГУП «Куртамышская типография», 2008. 590 с.
32. Кожевников М. В. История советского суда. 1917–1956 гг. М. : Госюриздат, 1957. 383 с.
33. Козлов Н. Д. Повседневность военного времени и общественные настроения // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность : материалы между-

- народной научной конференции, 17–19 марта 2016 г. / под общей ред. В. Н. Скворцова. Санкт-Петербург : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. С. 261–269.
34. Козлов Н. Д. Правонарушения в сфере снабжения населения товарами в годы Великой Отечественной войны // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков : материалы XVI Междунар. науч. конф., Иваново, 5–6 апреля 2017 г. : в 2 ч. / под ред. А. А. Корникова и др. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2017. Ч. 2. С. 287–291.
35. Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны. Свердловск : Урал. гос. ун-т, 1990. 223 с.
36. Костин В. И. Борьба с хищениями социалистического имущества и спекуляцией в годы Великой Отечественной войны. Горький : Горьковская высшая школа МВД СССР, 1982. 87.
37. Куликов В. В. Правосудие в СССР в военные годы // Советское государство и право. 1973. № 5. С. 33–36.
38. Латыпова К. Н. Деятельность милиции Курганской области по борьбе с преступностью в 1943 г. // Уральский исторический вестник. 2009. № 1 (22). С. 130–135.
39. Лончинская Л. Я. Кражи в тылу как отражение морально-нравственного состояния населения в годы Великой Отечественной войны // Роль органов и войск государственной безопасности в достижении победы в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.: материалы науч. конф. Екатеринбург : ИППКС ФСБ России, 2005. С. 97–105.
40. Лысак Н. В. Борьба с должностными преступлениями в потребительской кооперации в годы Великой Отечественной войны // История государства и права. 2015. № 9. С. 30–34.
41. Матышевский П. С. Ответственность за хищения социалистической собственности по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1952. 271 с.
42. Милиция Челябинской области. 1802–2002. Страницы истории. Челябинск : Книга, 2002. 448 с.
43. Министерство внутренних дел России 1802–2002 : исторический очерк. В 2 тт. Т. 2. СПб. : Фонд «Университет», 2002. 528 с.
44. Морозов Л. Ф., Портнов В. П. Социалистический контроль в СССР. М. : Политиздат, 1984. 240 с.
45. Мухамадиев И. С. Борьба органов Прокуратуры Таджикистана со спекуляцией в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6/1. С. 258–261.
46. Мухамадиев И. С. Борьба органов Прокуратуры Таджикистана с потерями урожая сельскохозяйственной продукции и расхитителями собственности в годы великой отечественной войны (1941–1945 гг.) // Армия и общество. 2015. № 2(45). URL: 01. <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-organov-prokuratury-tadzhikistana-s-poteryami-urozhaya-selskohozystvennoy-produktsii-i-rashititelyami-sobstvennosti-v-gody> (дата обращения: 22.01.2019).
47. Наумов А. В. Преступление и наказание в истории России. В 2 чч. Часть 2. М. : Юрлитинформ, 2014. 654 с.
48. Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики 2008. 230 с.
49. Павлов Д. В. Стойкость. М. : Политиздат, 1983. 366 с.
50. Палецких Н. П. Социальные ресурсы и социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны : монография. Челябинск: Челябинский гос. агроинженерный ун-т, 2007. 167 с.
51. Пасс А. А. «Другая экономика»: производственные и торговые кооперативы на Урале в 1939–1945 гг. Челябинск : ЧелГУ, 2002. 236 с.
52. Пашкин А. Г. Особенности борьбы с преступностью в Ульяновской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: источниковедческий аспект // Вестник архивиста. 2011. URL: <http://www.vestarchive.ru/istochnikovedenie/1509-osobennosti-borby-s-prestypnostu-v-ylianovskoi-oblasti-v-gody-velikoi-otchestvennoi-voiny-1941-.html> (дата обращения: 24.11.2017).
53. Пушкарев В. С. «Черный» рынок в СССР в годы Великой Отечественной войны и его влияние на состояние внутреннего рынка страны // Экономический журнал. 2006. № 12. С. 212–225.
54. Раззаков Ф. Бандиты времен социализма. Хроника российской преступности 1917–1991. М. : ЭКСМО, 1997. 528 с.
55. Смирнов Д. В., Воробьев В. П. Уголовный розыск Южного Урала. Новые страницы истории. 1918–2008. Челябинск : Книга, 2008. 288 с.
56. Смыкалин А. Судебная система страны в годы Великой Отечественной войны // Российская юстиция. 2002. № 9. С. 39–42.
57. Советская экономика в период Великой отечественной войны 1941–1945 гг. М. : Наука, 1970. 503 с.
58. Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны 1938–1945. М. : Наука, 1978. 565 с.
59. Сушков А. В. Дело «танкового короля» И. Зальцмана. Екатеринбург : УрО РАН, 2016. 300 с.
60. Твердюкова Е. Д. Борьба со злоупотреблениями в сфере карточного снабжения населения в СССР. 1941–1947 гг. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2010. Вып. 2. С. 32–40.



61. Твердюкова Е. Д. Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920-х – начало 1950-х гг.) : историко-правовой анализ. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011. 328 с.
62. Твердюкова Е. Д. Внутренняя торговля и ее государственное регулирование в СССР (конец 1920-х – начало 1950-х гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2011. 42 с.
63. Тимофеев Л. М. Институциональная коррупция советской системы // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. В 2 тт. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 1997. Т. 2. С. 508-544.
64. Тряхов В. Н. Деятельность парткомов Прикамья по оказанию помощи войскам НКВД в начальный период войны // Тезисы докладов научно-практической конференции, посвященной истории Прикамья в годы Великой Отечественной войны. Пермь, [б. и.], 1991. С. 66–70.
65. Тумаков Д. В. Ярославские преступники периода Великой Отечественной войны // «Век нынешний, век минувший...»: Исторический альманах. Вып. 8. Ярославль : ЯрГУ, 2009. С. 166–172.
66. Тумаков Д. В. Уголовная преступность и борьба с ней в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2010. 234 с.
67. Тумаков Д. В. Уголовная преступность в годы Великой Отечественной войны. Саарбрюкен : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 272 с.
68. Ханин С. В. Опыт взаимодействия милиции и населения в годы Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2 (30). С. 33–38.
69. Хисамутдинова Р. Р. Правоохранительные органы Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны // История управления внутренних дел Оренбургской области 200 лет МВД России / Науч. ред. и сост. Д. А. Сафонов. Оренбург: Оренбургская губерния, 2002. С. 119–120.
70. Чашников В. А. Деятельность органов милиции на Урале в период Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2013. 153 с.
71. Шатилов С. П. Уголовное законодательство в сфере экономики в годы Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и другими правонарушениями. 2016. № 14–2. С. 282–285.
72. Шатилов С. П. Наиболее распространенные правонарушения, совершенные сотрудниками прокуратуры Алтайского края в начальный период Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и другими правонарушениями. 2017. № 15–2. С. 268–270.
73. Шатилов С. П., Шатилова О. А., Ипполитов П. Л. Роль правоохранительных органов в реализации функции защиты Советского государства в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2016. 156 с.
74. Шатилов С. П., Шатилова О. А., Ермаков Е. Г. Деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступлениями, связанными с продовольственными и промышленными карточками, в годы Великой Отечественной войны // Алтайский юридический вестник. 2017. № 2 (18). С. 15–18.

*A. A. Pass (Chelyabinsk, Russia)*

#### RUSSIAN-HISTORIOGRAPHY ON ECONOMIC CRIME IN THE USSR IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

**Abstract.** The author's interpretations of the phenomenon of economic crime, poorly understood in Russian historical science, which took place in the Soviet Union in 1941-1945, are examined. The features of its influence on the lifestyle of a militarized society are shown. Overcoming such limitations as the lack of a source base, ideological commitment and censorship prohibitions made it possible, from the standpoint of a narrative approach, historical, systemic and institutional analysis, to present the views of modern scholars on the objective and subjective reasons, circumstances, nature and extent of theft. A palette of opinions on the role, place and effectiveness of the Stalinist justice authorities, public associations of citizens in the prevention, detection, investigation and suppression of these illegal acts is presented. The discussions on the nature and appropriateness of innovations in the legal and domestic spheres that regulated production and distribution at enterprises of various industrial affiliations are reflected. Based on comparative data, an attempt was made to assess the extent of corruption in the state and party apparatus, law enforcement agencies, and the judicial system. It is concluded that the accumulated knowledge retains a predominantly empirical orientation and has not yet reached a theoretical level. A list of scientific problems has been compiled that specialists need to focus on in order to provide comprehensive factology, complex tools, and a conceptual understanding of the processes that occurred during the Great Patriotic War in the social and criminal law spheres of the country. The main tasks are the determination of priorities, methods, content and final results of the policies of the central and local authorities, aimed at combating thieves, embezzlers and bribe takers. Their decision will allow finding additional arguments against falsifications and insinuations on the issue of the price of the Great Victory.

**Keywords:** USSR, World War II, historiography, economic crime, theft of state property, official abuse, institutional aspects of counteracting economic offenses.

#### REFERENCES

1. Abidulin K. M. Rabota organov NKVD po raskrytiyu ekonomicheskikh prestuplenii v g. Saratove i Sara-

- товской области в годы Великой Отечественной войны, *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2015, no. 5–6, pp. 13–15.
2. Abramovskii A. P., Kobzov V. S., Verigo E. A. Chelyabinskii oblastnoi sud. 70 let. Lyudi, sobytiya, fakty. 2-e izd. Chelyabinsk, Kamennyy poyas, 2004, 283 p.
  3. Aizenshtat Ya. Zapiski sekretarya voennogo tribunala. London, Overseas Publications Interchange Ltd, 1991, 128 p.
  4. Alaberdeev R. R., Latov Yu. V., Tishkov S. V. Istoriya bor'by v SSSR s khishcheniyami sotsialisticheskoi sobstvennosti, *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya* [The Journal of Economic History & History of Economics], 2007, vol. 8. no. 1, pp. 51–80.
  5. Arutyunyan Yu. V. Sovetskoe krest'yanstvo v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, Moscow, Nauka, 1970, 466 p.
  6. Baturina I. V. Chelyabinskaya oblastnaya kollegiya advokatov v 30-e – 50-e gg. KhKh v.: istoriya stanovleniya i razvitiya : dis. ... kand. ist. nauk, Chelyabinsk, 2018, 265 p.
  7. Blinova V. V. Deyatel'nost' organov NKVD Yuzhnogo Urala v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945: dis. ... kand. ist. nauk. Orenburg, 2008, 235 p.
  8. Vasil'chenko D. V. Nekotorye osobennosti ekonomicheskoi prestupnosti v SSSR v 1945–1955 gg., *Uspekhi sovremennoi nauki*, 2017, vol. 6, no. 4, pp. 16–18.
  9. Vishnya L. A. Prokuratura Chelyabinskoi oblasti: vstrechaemsa u Vechnogo ognya, vol. 1, My byli soldatami, Chelyabinsk, Guberniya, 2009, 224 p.
  10. Vol'khin A. I. Deyatel'nost' organov gosudarstvennoi bezopasnosti Urala i Zapadnoi Sibiri v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. : dis. ... d-ra ist. nauk. Ekaterinburg, 2001, 421 p.
  11. Govorov I. V. Neglasnaya agentura sovetskoii militsii v 1940-kh godakh, *Voprosy istorii* [Issues of History]. 2004, no. 4, pp. 109–119.
  12. Golyakov I. T. Sovetskoe pravo v period Velikoi Otechestvennoi voiny. vol. 1-2. Chast' II. Ugolovnoe pravo – ugolovnyi protsess, Moscow, Yurizdat, 1948. 214 p.
  13. Grabovskaya N. P. Ugolovno-pravovaya bor'ba s khishcheniyami sotsialisticheskoi sobstvennosti (Zakon 7 avgusta 1932 g.): dis. ... kand. jurid. nauk. Moscow, 1944–1946, 185 p.
  14. Grigut' A. E. Rol' i mesto organov NKVD SSSR v osushchestvlenii ugolovno-pravovoi politiki So-vetskogo gosudarstva v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945) : dis. ... kand. jurid. nauk, Moscow, 1999, 234 p.
  15. Gusak V. A. Velikaya Otechestvennaya: voenni lik prestupnosti, Vydayushchiesya predstaviteli nauch-noi, obshchestvennoi mysli Urala: materialy tret'ei regional'noi nauchnoi konferentsii, Chelyabinsk, ChKAKI, 2005, pp. 128–131.
  16. Gusak V. A. Militsiya Yuzhnogo Urala v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, Chelyabinsk, Chelyabinskii yuridicheskii institut MVD Rossii, 2007, 185 p.
  17. Gusak V. A. Nekotorye aspekty problemy obespecheniya obshchestvennogo poryadka v period 1941–1945 gg., Yuzhnyi Ural v gody Velikoi Otechestvennoi voiny : materialy mezhvuz. nauch. konferentsii, posv. 65-letiyu Velikoi pobedy, 21 aprelya 2010 g. /pod red. V. Ya. Rushanina, V. S. Tolstikova, E. V. Tishchenko. Chelyabinsk, Chelyabinskaya gos. akad. kul'tury i iskusstv, 2010, pp. 115–122.
  18. Gusak V. A. Nekotorye voprosy deyatel'nosti sovetskoii militsii po realizatsii kontrol'nykh funk-tsi v period Velikoi Otechestvennoi voiny // Yuzhnyi Ural v gody Velikoi Otechestvennoi voiny : materialy mezhvuz. nauch. konferentsii, posv. 65-letiyu Velikoi pobedy, 21 aprelya 2010 g. /pod red. V. Ya. Rushanina, V. S. Tolstikova, E. V. Tishchenko. Chelyabinsk, Chelyabinskaya gos. akad. kul'tury i iskusstv, 2010, pp. 122–127.
  19. Demidov A. Obespechenie ekonomicheskoi bezopasnosti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, *Armiya i flot*: [sait]. URL:<http://www.armiyaiflot.ru/ePages/2008/270208.htm>.
  20. Demidov A. Deyatel'nost' territorial'nykh organov gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v sfere vo-ennoi ekonomiki. 1941–1945 gg. : dis. ... d-ra ist. nauk. Bishkek, 2009, 411 p.
  21. Emelin S. M. Organy vnutrennikh del 1939–1953 gg. : evolyutsiya statusa, pravovykh osnov, organizatsii i deyatel'nosti : dis. ... d-ra jurid. nauk, Moscow, 2009, 535 p.
  22. Emelin S. M. Organizatsionno-pravovye napravleniya protivodeistviya ekonomicheskoi prestupnosti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, *Vestnik Akademii ekonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii*. 2009, no. 11, pp. 85–91.
  23. Emelin S. M. Istoriko-pravovye aspekty bor'by s prestupnost'yu v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.), *Istoriya gosudarstva i prava*, 2010, no. 17, URL: <https://center-bereg.ru/m1781.html> (data obrashcheniya: 27.12.2018).
  24. Emelin S. M. Razvitie form vzaimodeistviya organov vnutrennikh del i obshchestvennosti v gody Velikoi otechestvennoi voiny: pravovye osnovy, osobennosti, istoricheskii opyt, *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'* [Juridical science: history and modernity], 2013, no. 9, pp. 28–36.
  25. Zvyagintsev A. G., Orlov Yu. G. Prigovorennyye vremenem. Rossiiskie i sovetskie prokurory KhKh v. 1937–1953, Moscow, Rosspen, 2001, 536 p.
  26. Zinich M. S. Budni voennogo likholet'ya, 1941–1945 : [v 2 vyp.]. Prodovol'stvennoe snabzhenie v pe-riod Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg., vol. 1. Moscow, IRI, 1994, 128 p.
  27. Zubov Yu. P. Deyatel'nost' mestnykh Sovetov Komi-permyatskogo okruga po ukrepleniyu sotsialisticheskoi

- zakonnosti v 1941–1945 gg.// Tezisy докладov nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi istorii Prikam'ya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Perm', b.i., 1991, pp. 70–77.
28. Ivanova G. M. Po zakonam voennogo vremeni: pravookhranitel'naya deyatel'nost' gosudarstva v uslo-viyakh Velikoi Otechestvennoi voiny, Trudy instituta rossiiskoi istorii RAN, 2017, no. 14, pp. 49–71.
29. Ivanova G. M. Lagernaya yustitsiya v SSSR 1944–1954., Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN, Moscow, 2004, no. 4, pp. 287–306.
30. Kabirova A. Sh. Bor'ba s ekonomicheskimi prestupleniyami v period Velikoi Otechestvennoi voiny (na materialakh Tatarskoi ASSR), Material'nyi faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' : materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 17–19 marta 2016 g. / pod obshechi red. V. N. Skvortsova. Saint Petersburg, LGU im. A. S. Pushkina, 2016, pp. 52–58.
31. Kodintsev A. Ya. Gosudarstvennaya politika v SSSR v 30-e – 50-e gody KhKh veka v sfere yustitsii. Kur-tamysh, GUP «Kurtamyshskaya tipografiya», 2008, 590 p.
32. Kozhevnikov M. V. Istoriya sovetskogo suda. 1917–1956 gg., Moscow, Gosyurizdat, 1957, 383 p.
33. Kozlov N. D. Povsednevnost' voennogo vremeni i obshchestvennye nastroyeniya, Material'nyi faktor i predprinimatel'stvo v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' : materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 17–19 marta 2016 g. /pod obshechi red. V. N. Skvortsova. Saint Petersburg, LGU im. A. S. Pushkina, 2016, pp. 261–269.
34. Kozlov N. D. Pravonarusheniya v sfere snabzheniya naseleniya tovarami v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii KhKh–XXI vekov : materialy XVI Mezhdunar. nauch. konf., Ivanovo, 5–6 aprelya 2017 g. : v 2 ch. /pod red. A. A. Kornikova i dr., Ivanovo, Ivan. gos. un-t, 2017, vol. 2, pp. 287–291.
35. Kornilov G. E. Ural'skaya derevnya v period Velikoi Otechestvennoi voiny. Sverdlovsk, Ural. gos. un-t, 1990, 223 p.
36. Kostin V. I. Bor'ba s khishcheniyami sotsialisticheskogo imushchestva i spekulyatsiei v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, Gor'kii, Gor'kovskaya vysshaya shkola MVD SSSR, 1982. 87 p.
37. Kulikov V. V. Pravosudie v SSSR v voennye gody, Sovetskoe gosudarstvo i pravo, 1973, no. 5, pp. 33–36.
38. Latypova K. N. Deyatel'nost' militsii Kurganskoi oblasti po bor'be s prestupnost'yu v 1943 g., *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Journal], 2009, no. 1 (22), pp. 130–135.
39. Lonchinskaya L. Ya. Krazhi v tylu kak otrazhenie moral'no-nravstvennogo sostoyaniya naseleniya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, Rol' organov i voisk gosudarstvennoi bezopasnosti v dostizhenii pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine. 1941–1945 gg.: materialy nauch. konf. Ekaterinburg, IPPKS FSB Rossii, 2005, pp. 97–105.
40. Lysak N. V. Bor'ba s dolzhnostnymi prestupleniyami v potrebitel'skoi kooperatsii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, Istoriya gosudarstva i prava, 2015, no. 9, pp. 30–34.
41. Matyshevskii P.S. Otvetstvennost' za khishcheniya sotsialisticheskoi sobstvennosti po sovetskomu ugolovnomu pravu : dis. ... kand. yurid. nauk. Kiev, 1952. 271 p.
42. Militsiya Chelyabinskoi oblasti. 1802–2002. Stranitsy istorii, Chelyabinsk, Kniga, 2002, 448 p.
43. Ministerstvo vnutrennikh del Rossii 1802–2002 : istoricheskii ocherk. V 2 tt. T. 2, Saint Petersburg, Fond «Universitet», 2002, 528 p.
44. Morozov L. F., Portnov V. P. Sotsialisticheskii kontrol' v SSSR. Moscow, Politizdat, 1984, 240 p.
45. Mukhamadiev I. S. Bor'ba organov Prokuratury Tadjikistana so spekulyatsiei v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.), Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki, 2015, no. 6/1, pp. 258–261.
46. Mukhamadiev I. S. Bor'ba organov Prokuratury Tadjikistana s poteryami urozhaya sel'skokhozyaistvennoi produktsii i rashchitelyami sobstvennosti v gody velikoi otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.), Armiya i obshchestvo, 2015, no. 2(45), URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/borba-organov-prokuratury-tadjikistana-s-poteryami-urozhaya-selskokozyaistvennoy-produktsii-i-rashchitelyami-sobstvennosti-v-gody> (data obrashcheniya: 22.01.2019).
47. Naumov A. V. Prestuplenie i nakazanie v istorii Rossii. V 1-2 vol., vol. 2, Moscow, Yurlitinform, 2014, 654 p.
48. Orlov I. B. Sovetskaya povsednevnost': istoricheskii i sotsiologicheskii aspekty stanovleniya, Moscow, Izd. dom Gos. un-ta Vyssh. shk. ekonomiki 2008, 230 p.
49. Pavlov D. V. Stoikost', Moscow, Politizdat, 1983, 366 p.
50. Paletskikh N. P. Sotsial'nye resursy i sotsial'naya politika na Urale v period Velikoi Otechestvennoi voiny: monografiya, Chelyabinsk, Chelyabinskii gos. agrozhenemnyi un-t, 2007, 167 p.
51. Pass A. A. Drugaya ekonomika»: proizvodstvennye i torgovye kooperativy na Urale v 1939–1945 gg. Chelyabinsk, ChelGU, 2002, 236 p.
52. Pashkin A. G. Osobnosti bor'by s prestupnost'yu v Ul'yanovskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.: istochnikovedcheskii aspekt, Vestnik arkhivista [Herald of an Archivist] 2011, URL: <http://www.vestarchive.ru/istochnikovvedenie/1509-osobnosti-borby-s-prestupnostu-v-yl'yanovskoi-oblasti-v-gody-velikoi-otechestvennoi-voiny-1941-.html>.
53. Pushkarev V. S. «Chernyi» rynek v SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny i ego vliyanie na so-stoyanie vnutrennego rynka strany, *Ekonomicheskii zhurnal* [Economic journal], 2006, no. 12, pp. 212–225.

54. Razzakov F. *Bandity vremen sotsializma. Khronika rossiiskoi prestupnosti 1917–1991*, Moscow, EKSMO, 1997, 528 p.
55. Smirnov D. V., Vorob'ev V. P. *Ugolovnyi rozysk Yuzhnogo Urala. Novye stranitsy istorii. 1918–2008*, Chelyabinsk, Kniga, 2008, 288 p.
56. Smykalin A. *Sudebnaya sistema strany v gody Velikoi Otechestvennoi voiny*, Rossiiskaya yustitsiya, 2002, no. 9, pp. 39–42.
57. *Sovetskaya ekonomika v period Velikoi otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* Moscow, Nauka, 1970, 503 p.
58. *Sovetskaya ekonomika nakanune i v period Velikoi Otechestvennoi voiny 1938–1945*, Moscow, Nauka, 1978, 565 p.
59. Sushkov A. V. *Delo «tankovogo korolya» I. Zal'tsmana*, Ekaterinburg, UrO RAN, 2016, 300 p.
60. Tverdyukova E. D. *Bor'ba so zloupotrebleniyami v sfere kartochnogo snabzheniya naseleniya v SSSR. 1941–1947 gg.*, *Vestnik SPbGU [Vestnik of Saint Petersburg University] Ser. 2*, 2010, vol. 2, pp. 32–40.
61. Tverdyukova E. D. *Gosudarstvennoe regulirovanie torgovli v SSSR (konets 1920-kh – nachalo 1950-kh gg.) : istoriko-pravovoi analiz*. Saint Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2011, 328 p.
62. Tverdyukova E. D. *Vnutrennyaya torgovlya i ee gosudarstvennoe regulirovanie v SSSR (konets 1920-kh – nachalo 1950-kh gg.): avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk*. Saint Petersburg, 2011, 42 p.
63. Timofeev L. M. *Institutsional'naya korruptsiya sovetskoj sistemy, Sovetskoe obshchestvo: vzniknovenie, razvitie, istoricheskii final*, v 2 tt, Moscow, Ros. gos. gumanit. un-t, 1997, vol. 2, pp. 508–544.
64. Tryakhov V. N. *Deyatel'nost' partkomov Prikam'ya po okazaniyu pomoshchi voiskam NKVD v nachal'nyi period voiny, Tezisy dokladov nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi istorii Prikam'ya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny*, Perm', [s. n.], 1991, pp. 66–70.
65. Tumakov D. V. *Yaroslavskie prestupniki perioda Velikoi Otechestvennoi voiny, Vek nyneshnii, vek minuvshii... : Istoricheskii al'manakh*, vol. 8, Yaroslavl', YarGU, 2009, pp. 166–172.
66. Tumakov D. V. *Ugolovnaya prestupnost' i bor'ba s nei v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. 1941–1945 : dis. ... kand. ist. nauk*. Yaroslavl', 2010. 234 p.
67. Tumakov D. V. *Ugolovnaya prestupnost' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny*. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011, 272 p.
68. Khanin S. V. *Opyt vzaimodeistviya militsii i naseleniya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (is-toriko-pravovoi aspekt)*, *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*. 2015, no. 2 (30), pp. 33–38.
69. Khisamutdinova R. R. *Pravookhranitel'nye organy Chkalovskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, Istoriya upravleniya vnutrennikh del Orenburgskoi oblasti 200 let MVD Rossii / Nauch. red. i sost. D. A. Safonov*. Orenburg, Orenburgskaya guberniya, 2002. pp. 119–120.
70. Chashnikov V. A. *Deyatel'nost' organov militsii na Urale v period Velikoi Otechestvennoi voiny*, Ekaterinburg, Ural'skii yuridicheskii institut MVD Rossii, 2013, 153 p.
71. Shatilov S. P. *Ugolovnoe zakonodatel'stvo v sfere ekonomiki v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i drugimi pravonarusheniyami*. 2016, no. 14–2, pp. 282–285.
72. Shatilov S. P. *Naibolee rasprostranennyye pravonarusheniya, sovershennyye sotrudnikami prokura-tury Altaiskogo kraja v nachal'nyi period Velikoi Otechestvennoi voiny, Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i drugimi pravonarusheniyami*, 2017, no. 15–2, pp. 268–270.
73. Shatilov S. P., Shatilova O. A., Ippolitov P. L. *Rol' pravookhranitel'nykh organov v realizatsii funktsii zashchity Sovetskogo gosudarstva v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)*, Barnaul, Barnaul'skii yuridicheskii institut MVD Rossii, 2016, 156 p.
74. Shatilov S. P., Shatilova O. A., Ermakov E. G. *Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov po bor'be s prestupleniyami, svyazannymi s prodovol'stvennymi i promyshlennymi kartochkami, v gody Velikoi Otechestvennoi voiny, Altaiskii yuridicheskii vestnik [Altai Law Journal]*, 2017, no. 2 (18), pp. 15–18.

---

Пасс А. А. Русскоязычная историография об экономической преступности в СССР в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарно-педагогические исследования. 2019. Т. 3. № 3. С. 26–45.

Pass A. A. Russian-Historiography on Economic Crime in the USSR in the Years of the Great Patriotic War *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research], 2019, vol. 3, no 3, pp. 26–45.

**Сведения об авторе**

**Пасс Андрей Аркадьевич** - доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук и международных отношений Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия; pass\_andrey@mail.ru

**Author:**

**Andrei A. Pass** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Political Sciences and International Relations, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia; pass\_andrey@mail.ru